

ПУЗЫРЕВ СЕРГЕЙ

Осирок
Обезьян

16+

Сергей Пузырев
Остров Обезьян

«Автор»

2019

Пузырев С.

Остров Обезьян / С. Пузырев — «Автор», 2019

Жизнь известных и успешных людей всегда находится на всеобщем обозрении, словно товар размещенный на витрине магазина. И когда эта жизнь внезапно обрывается при загадочных обстоятельствах, интерес к ней лишь увеличивается. Антон, будучи журналистом, прекрасно это понимал, когда надеялся раскопать сенсацию, копаясь в грязном белье Вильяма Шермана - известного канадского миллионера и главы крупной фармацевтической компании. Чего он не понимал, так это каких неприятностей ему это будет стоить. Ведь в одну ночь, следя за домом Шермана, он становится свидетелем убийства.

© Пузырев С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Пузырев

Остров Обезьян

Глава 1

Когда поздно вечером в доме № 45 по улице Гаванской неожиданно отключили электричество, больше всех негодовала Вера Петровна – пожилая женщина, глубоко перешагнувшая за черту пенсионного возраста.

В тот тихий, осенний вечер она с упоением смотрела свой старенький телевизор, по которому как раз разыгрывали крупный денежный выигрыш в государственной лотерее. Сама она никогда в подобном не участвовала, лотерейные билеты не покупала, и вообще считала это глупой затеей. И программа ей, в общем-то, не нравится, и ведущий был «слащавым пердуном», и она бы ее даже не смотрела... Однако есть одно «но». И это «но» – Тамара Васильевна, миниатюрная соседка из 26 квартиры. К великому сожалению Веры Петровны, ее соседка (разумеется, пропащая душа) любила испытать свою удачу, поэтому то и дело хвасталась новоприобретенным билетиком перед соседями. Вера Петровна при случае всегда позволяла себе неодобрительно фыркнуть, ибо считала себя честным человеком, который имеет на это право. Однако, каждый субботний вечер, в день розыгрыша приза, она включала телевизор и под тарелочку жареной картошки вприкуску с соленым огурцом следила за ходом событий. Но не стоит обманываться на ее счет. Она не любит соседку, и всем сердцем не желает ей победы. Поэтому и заставляет себя смотреть столь не любимую передачу.

И вот, когда до финала оставалось совсем чуть-чуть, когда «слащавый пердун» уже хитро потирал свои усы похожие на те, что носил Дэвид Суше, предвкушая объявить победителя, в доме № 45 по улице Гаванской пропадает свет!

– Как такое может быть!?! – Вера Петровна закусила свою верхнюю, покрытую редкими усиками, губу. – Э!! Чертовы либерасты! Развалили страну! Довели до нищеты! Боже, боже, на что мне все это? – взмолилась она в конце своей гневной речи. – Может пробки выбило?

Ее возмущению не было предела. Мало того, что она пропускает передачу, так еще и самой нужно идти проверять пробки. На соседей она и не надеялась. Они – пропащие люди, бездари и сибариты! Бог послал ей в наказание. Не иначе.

Громко кричтя, ей пришлось встать из своего уютного продавленного кресла и направиться на лестничную площадку, где находится щиток.

Когда-то пышная, с соблазнительными изгибами женщина (по ее собственному разумению) с возрастом стала походить на осевшее суфле. И вот теперь эта рыхлая масса, накинув шерстяную кофту поверх расписного под хохлому халата, аккуратно двигалась по своей не большой, но заставленной квартирке, боясь споткнуться обо что-нибудь и ушибиться, как в прошлый раз. А прошлый раз она запомнила надолго!

Около двух лет назад, в ее квартиру проникла уличная кошка и залезла в кастрюльку с отварной мойвой, которую приготовила себе к ужину женщина. И как только она смогла это сделать, если жила Вера Петровна на втором этаже старой пятиэтажки. «Уму непостижимо!» – причитала старушка, пытаясь поймать кошку. Она бегала за ней по всей квартире, но той постоянно удавалось найти себе укромный уголок для передышки. Эта мука продолжалась около часа и закончилась тем, что, не заметив лыжных палок, торчащих из-за пианино, женщина споткнулась и, с грохотом рухнув на пол, сломала ногу и вывихнула руку. Кошка потом-таки выбежала в открытую дверь по приезду скорой помощи, а вот женщине пришлось испытать «многие-многие-многие трудности», как часто она заявляла наиболее сердобольным соседям. Например, она несколько дней безуспешно выбивала из бестолкового начальника в беседе себе

путевку в профилакторий для престарелых и одиноких людей. На «одиноких» она делала особый упор. Всегда. Семьи у бедной женщины не было. Во всяком случае, она никогда о ком-либо из родных не упоминала. К ней никто не приходил, да и сама она никого не навещала. Даже на кладбище. Поэтому все, однажды, решили для себя, что у нее никого нет. Она одна, как и многие другие одинокие горемычные души в этой стране.

Памятуя обо всем этом, Вера Петровна старалась перемещаться, как можно более аккуратно в абсолютной темноте квартиры.

Дом № 45 по улице Гаванской был построен еще до революции в качестве доходного дома для одного известного купца. Однако после революции старых жильцов разогнали, дом превратили в «коммунальный муравейник» и заселили его подобающими людьми: честными партийными работниками и прочими приближенными к власти. Вера Петровна всегда делала акцент на том, что это дом в общем, а в частности ее квартира, – ее родовое гнездо. Каким образом так получилось, имела ли она отношение к уважаемым партийным работникам первой волны заселения, она никогда не уточняла.

Наконец, она добралась до лестничной площадки, которая представляла собой средней длины коридор, разделенный посередине широкой винтовой вестницей, обвивающей желоб неработающего вот уже несколько месяцев лифта. Света тут так же не было. Старушка неприлично выругалась и направилась в конец коридора, к расположенному там щитку. Пройдя мимо соседней квартиры, она выругалась еще раз. Когда-то до революции, эти две соседние квартиры были одним целым, но по чей-то нечистой совести их разделили. И разделили на неравные части. В той, что меньше сейчас и живет Вера Петровна.

Она прошла небольшую кладовку, которую использовали ее соседи по этажу для хранения детских велосипедов, колясок и прочего по ее мнению хлама.

Несмотря на возраст и больные ноги, перемещалась Вера Петровна очень тихо. Поступь у нее была легкая. Этого было не отнять. Именно в этой тишине ей показалось, что в кладовке что-то скрипнуло, однако прислушавшись, она ничего более не услышала, поэтому решила, что в этом шуме повинны крысы и мыши, которые плодились где-то в стенах старого дома.

Со стороны лестницы, она услышала шуршание пакетов. Это ее насторожило. Мало ли кого можно встретить в темном коридоре в ночи? Она притаилась и напрягла глаза, чтобы разглядеть источник шума. И разглядев, совсем не удивилась, когда увидела молодую девушку с двумя белыми пакетами провизии в одной руке и телефоном в другой. Она поднималась не очень быстро и вспышкой подсвечивала себе дорогу. Это оказалась ее соседка сверху – Федора Шишова. Девушке было около тридцати, как думалось женщине. Она работала в местном отделении крупного банка на операционной части и часто приходила так поздно. Вид у нее всегда был изнеможенный, а цвет лица приближался к серому. Но, несмотря на это Вера Петровна считала ее довольно милой: у нее были длинные каштановые волосы, широкие бедра и крестьянский нос картошкой.

– Федька, ты что ль? – пожилая женщина перестала шуриться и вышла из темноты коридора.

– Ой, Вера Петровна, Вы меня напугали, – появление старухи ее застало врасплох. – Здравствуйте.

– Ну, привет. А ты чего так поздно шаркаешь тут? Опять что ли касса не пошла?

– Не. Сегодня устраивали субботник после закрытия офиса. А потом в магазин зашла. Вот и припозднилась.

– Ага, зашла. И накупила разной гадости быстрого приготовления. Вижу я банки эти и блевать охота! Травите себя всякой гадостью! В наше время такого бы не допустили. В мою бытность..., – хотя она было растянуть свою речь, но девушка ее вовремя успела перебить.

– А Вы чего так поздно еще не спите?

– А я так рано не ложусь. Мигрени мучают вечерами меня, – деловито ответила Вера Петровна. – А вообще, света нет. Я вышла пробки проверить.

– Наверное, во всем доме нет. Ни в одном окне свет ни горел со стороны подъезда. Да и в подъезде самом, как видите, хоть глаз коли.

– Это ты верно подметила. Беспорядок один! А в ЖЭКе все цены поднимают, – старушка казалась возбужденной. – Я тебя всегда считала смышленной. И почему ты только до сих пор одна? Жаль, что никак не найдешь себе никого!

– Ай, прошу Вас, не начинайте, – отмахнулась от нее девушка.

– Ну, что значит «не начинайте»? Мне нравится, что ты трудолюбивая, совсем, как я в молодости. И я не хочу, чтобы стала такой же в старости. Когда единственная радость в жизни будет просмотр телевизора... – на секунду она замолкла. – Слышишь, крысы в стенах бегают?

– Нет... – задумчиво протянула Федя, которая слышала лишь шорох своих пакетов.

– А ведь они бегают, бегают! Уверяю тебя! Дом же старый... – как бы между делом сказала она. – Хочешь, я тебе отраву дам? От них. От крыс этих?

– Да не стоит. У меня же их нет.

– Сегодня нет, а завтра будут. Пойдем, проводишь меня до квартиры. Электричества, ты сказала, все равно во всем доме нет. Пойдем. Дай мне руку, – старушка взяла девушку под руку и, прижавшись поближе, повела ее к себе. – Боюсь я ходить в темноте. Всегда есть вероятность споткнуться и упасть. Или того хуже разбиться! Я тебе рассказывала, как однажды упала и сломала ногу?

– Да, – ответила девушка. – Несколько раз, – добавив чуть тише.

– В самом деле? Когда только успела! – расхохоталась женщина. – А что твоя соседка... – она прошамкала ртом, как бы вспоминая ее имя, – туземка?

– Туземка? Вы про Сюин?

– Про нее, если ты больше не заселила к себе никого.

– Не заселила. Знаете, как-то некрасиво называть ее туземкой.

– А как ее назвать, если имени я ее не помню! – возмутилась Вера Петровна. – А тут слово сразу на ум пришло.

– Она хорошая девушка.

– А чем она занимается?

– Учится в аспирантуре на химико-биологическом факультете.

– А зачем ей это?

– Вера Петровна, что за вопросы?!

– А что? Нормальные вопросы! Вчера в соседнем подъезде квартиру обнесли. А вдруг это она? Когда-то в этом доме жили светочи советской науки! А теперь шелупонь! Прости Господи! – пожилая женщина остановилась и перекрестилась. – В основном.

– Не говорите глупости. Сюин приехала сюда из Китая учиться, а не квартиры обворовывать.

– И зачем она тебе нужна была только?

– Я живу одна, у меня есть свободная комната. Почему бы мне ее не сдавать?

– Верно. У Вас там другая планировка! Не нашлось в те давние времена второго такого злодея, который бы посмел поступить так же не по совести, как тот, кто разделил наши квартиры! – и она указала жестом на соседскую дверь. – Я бы тоже сдавала. А так самой места не хватает. Так, подожди, не заходи внутрь. Я тебе сейчас вынесу коробочку, – Вера Петровна отпустила руку девушку и, оставив ее у порога, прошмыгнула в свою темную квартиру.

Федора осталась стоять в дверях квартиры, перетаптываясь с ноги на ногу. Пакеты ей оттянули одну руку, а вторая затекла, держа телефон, свет, от вспышки которого, зловеще озарял потемневшую от времени лепнину на фальшколоннах.

– Ох, не ушла еще, – выглянула старушка из-за двери. – Я не думала, что все-таки дождешься. Слепила ты меня совсем. Отверни чуть руку! Ну, вот, – она протянула ей небольшую картонную коробку. – Тут порошок. Ооочень эффективный яд. Ну, все. Можешь ступать! Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – ответила девушка и, развернувшись, направилась в направлении лестницы.

Вера Петровна подождала, пока девушка скрылась за углом, и лишь тогда закрыла дверь.

Она аккуратно прошла в комнату и поудобнее уселась в свое кресло.

– Нда уж, таких крыс никакой отравой не вытравить, – грубо сказала она. – Чего тебе тут понадобилось? Молчишь? Ха, но ведь верно... И так знаю, что нужно вам. Мафусаил... Не хочу расстраивать тебя, но твой визит абсолютно напрасен. Не знаю я ничего. А если б и знала, то не сказала. Да хватит там топтаться! – не выдержав, крикнула женщина. – Делай уже свое дело. И вали из моей квартиры!

На следующий день бездыханное тело Веры Петровны обнаружат в том самом любимом ею продавленном кресле.

Глава 2

За окном еще было темно, когда экран телефона озарил своим светом комнату, а протяжный звук будильника нарушил царящую в комнате тишину. Где-то за стенкой, у соседа, залаял пес породы вельш-корги-пемброк по кличке Спот, а следом послышалась ругань его хозяина.

Антон, преодолевая сонливость, поднялся с кровати с закрытыми глазами и на ощупь отправился в ванную. Лай за стенкой утих, а, значит, Адам Кински тоже встал. Через пятнадцать минут (ни секундой раньше и не позже) он отперет свою дверь и поведет собаку выгуливать в парк.

Адам – бывший военный, побывал в Ираке и Афганистане (по его словам), сейчас работал в частной охранной компании, которая занималась охраной элитных районов Торонто. Почему сам он при этом жил в Шеппарде Антон не понимал.

Шеппард Мэнор в районе Норт-Йорк – большой многоквартирный дом уровня чуть ниже среднего в последнее время все больше заселялся мигрантами с Востока (в том числе и Восточной Европы). Не то чтобы район от этого становился менее безопасным, но менее престижным наверняка. Антон, впрочем, не жаловался. Сам он являлся таким же мигрантом, как и многие в этом большом мультинациональном городе.

Антон быстро принял душ и на секунду задержался у запотевшего зеркала. Оттуда на него смотрел угрюмый, коротко стриженный, с широкими скулами и носом мужик, которого легко можно было принять за бандита с объявлений о розыске. Он еще раз окинул свое отражение. Ему не нравилась стрижка коротко. С такой прической он чувствовал себя не уютно, а при условии уже упомянутого сходства с уголовником, очень часто приходилось ловить на себе опасливые взгляды прохожих. Но что он мог с этим поделать? Ведь, еще больше он не любил ухаживать за волосами. Для того чтобы хорошо выглядеть их нужно было часто мыть, расчесывать, укладывать – в общем, тратить на это уйму времени. Которого у него не всегда было много.

Он проверил время. Осталось пять минут.

Антон прошел в комнату. Повесил мокрое полотенце на дверь, достал из комода помятые шорты, снял со спинки стула черную футболку с логотипом местной хоккейной командой «Toronto Maple Leafs», от которой уже пахло так, словно в ней пробежали по очереди все члены этой команды.

Но другую искать некогда (ему показалось, что в соседской двери щелкнул замок).

Накинув сверху плотную толстовку и, быстро натянув кроссовки, он выбежал в коридор, но никого там не застал. Коридор был пуст и наполнен прохладой, проникающей из открытого в его конце окна.

Он сверил время на телефоне. Ошибки быть не должно. Именно в это время Адам выводит Спота. Он точен, как часы. Мужчина решил немного потоптаться на месте. Ему нужно поговорить с соседом, но это не должно показаться странным. Ему бы не хотелось, чтобы Адам принял это за приставания. Встреча должна была выглядеть случайной. Прошло еще пять минут, но сосед так и не вышел. Собака тоже молчит.

Антон тихонько подошел к двери. Он прислушался, но ничего не услышал. С той стороны двери царил гробовая тишина. Возможно, Адам его опередил. И вышел раньше? Ведь все может быть. Стоит сбегать в парк. Наверняка он там.

Средняя температура в октябре в Торонто колеблется на уровне тринадцати градусов Цельсия. Но это днем. Ночью около десяти. Антон старался выходить на пробежку каждое утро, но выходил он позже, и в шортах было довольно сносно. Однако, это утро ему показалось особенно холодным. Казалось, волосы на ногах скукожились и покрылись инеем, стоило ему только отойти на метр от здания. Но выбора у него не было. Он побежал в парк.

Рин Парк – небольшой парк с детской площадкой, располагался в трех минутах ходьбы от Шеппарда и на полную использовался жильцами близлежащих домов (в основном молодыми родителями с детьми и пенсионерами). В это утро людей было не очень много, возможно, повлиял на это поднявшийся из ниоткуда туман. Антон сделал несколько кругов, но Адама так и не нашел. Разочарованный он вернулся назад, в надежде еще немного провалиться в своей постели. День не заладился с утра, и он уже не был уверен в своих грядущих планах. Подойдя к двери соседа, он еще раз прислушался, но снова ничего не услышал.

Как Антон и думал, стоило ему только завалиться в постель, как сон тут же его одолел. Он проспал еще около двух часов, прежде чем окончательно проснулся. Редкое для октября солнце пробивалось сквозь завешанные шторы, делая видимыми слои пыли на комод, полках и двух столах (кухонном и кофейном). Антон жил в этой квартире полгода и за все это время убирался раза два. Он не хотел признавать себя грязнулей, но все же всегда находил причины, чтобы отложить уборку на следующий день.

Сама его квартира была не очень большой. Это была студия с площадью около сорока квадратных метров, с белыми крашеными стенами, светлым паркетом и, что не маловажно, с мебелью. Пусть с ней было и дороже, но при переезде не возникало проблем с перевозкой барахла. Антон жил в Канаде уже семь лет, но так и не смог пустить корни. Он приехал сюда, имея лишь за плечами диплом журналиста и знание английского языка. Антон был полон надежд и мечтаний о лучшей жизни, однако очень быстро они были развенчаны суровой реальностью. В начале ему не хватало опыта и образования, а после того как начался мировой кризис 2008 года дела с работой обстояли еще хуже. Ему пришлось затянуть пояса, и начинать с работы уборщика в магазинах. Он работал много и старательно, но не забыл на кого учился, потому что мечтал развиваться именно в этой профессии. Он грезил империей Руперта Мердока и мечтал когда-нибудь встать во главе своей медийной корпорации, поэтому постоянно пробовал пробиться во все новостные издания Канады, пока ему не удалось сделать это в Торонто. Его взяли в штат газеты, но был он скорее на «побегушках». Антон знал, что для того, чтобы пробиться в этом деле, ему нужна сенсация – новость, которая бы вознесла его на журналистский Олимп. И недавно он сел за свое собственное расследование.

Однажды на форуме министерства здравоохранения неизвестным было оставлено сообщение о том, что крупная канадская фармацевтическая компания Pharmtex во главе с Вильямом Шерманом на своих заводах в странах третьего мира ставят запрещенные эвгенические опыты над людьми. Якобы сам этот человек подвергся таким опытам и у него есть неоспоримые доказательства о личной вине Шермана. Однако очень скоро сообщение из форума была удалено, как и многие его репосты. В СМИ эта информация тоже не просочилась. Все сделали вид, будто ничего не произошло. И это Антону показалось странным. В современном западном обществе предпочитают «дуть на воду» в вопросах, касающихся прав человека, но тут со стороны общества не последовало никакой реакции.

– И ты решил залезть к нему домой?

– Костя, прошу тебя, не кричи так громко! У меня хорошая видеосвязь.

У Антона был сегодня выходной, и после обеда он собирался на встречу с одной русской знакомой, которая прожила уже кучу лет в Канаде, а сейчас работала в городском департаменте здравоохранения. Однако недавно та написала, что встретиться с ним не сможет, но рада ему сообщить, что чета Шерманов подтвердила приглашение. Прокляв сегодняшний день, он решил обратиться за советом к своему однокурснику, с которым еще поддерживал связь.

– Прости, это мне тут из своего подвала тяжело пробиться, – ответил ему собеседник. – Так зачем тебе этот Адам был нужен?

– Он работает в частном охранном агентстве, которое обслуживает тот район Бридл Пат. Я надеялся перетянуть его на свою сторону.

– И что бы ты ему сказал? Позволь мне залезть в дом, чтобы я мог написать хорошую статью?

– Он человек с повышенным чувством справедливости. Я хотел сказать, что меня нанял оскорбленный супруг, которая подозревает свою жену в неверности, поэтому мне нужно подойти максимально близко к дому, чтобы найти доказательства.

– И это бы сработало?

– Разумеется, – Антон немного замялся. – Во всяком случае, меня бы не повязали, как вора. Не сразу.

– А что до самих Шерманов? Ты же не проникнешь к ним в дом в их присутствии.

– И это я продумал. У меня есть знакомая здесь. Она работает в местном департаменте здравоохранения и занимается организацией ежегодного заседания Совета здравоохранения Торонто, в который входит и сам Шерман. Сам он будет на приеме. И в этот самый момент я проникну в его дом и постараюсь найти что-нибудь.

– Складывается все вроде гладко, но ты уверен в информации? Я хочу сказать, не очередная ли это «утка». На Западе любят разные теории заговоров. А нацистские эксперименты над человеком в современном мире – это как раз из этой оперы.

– Согласен, есть в этом доля фантазии, но что-то мне подсказывает, что в этом больше правды, чем вымысла.

– Смотри сам, конечно. Если вдруг что, сидеть в тюрьме тебе! – мужчина на том конце рассмеялся. – Так что там с твоим соседом? Он так и не появился? Я упустил этот момент.

– Как будто бы нет, – Антон повернул голову в сторону соседской квартиры и прислушался. – Тихо там все. Обычно Спот часто лает.

– Так ты пойдешь, постучись. Сделай вид, что тебе что-нибудь нужно.

– Я собирался подождать до вечера, но, может, сделаю это раньше. Ладно, сам-то ты как? Было что интересное по работе?

– Я? Нормально. Что у меня может быть тут интересного? Сам видишь, работаю старшим помощником главного редактора, и ничем не занимаюсь. Не могу после истории с Сиамом...¹

– Понимаю. Что ж, не могу позволить себе отнимать Ваше дорогое время господин старший помощник...

– Ты там не нарывайся, а то я ведь могу приехать! – собеседник рассмеялся. – А вообще подумай еще раз над моим прошлым предложением. Возвращайся на Родину. Я найду тебе здесь теплое местечко.

– Ладно, пока!

– Пока.

Антон отложил планшет.

– Может, Костя, прав...

Антон вышел из своей квартиры и, подойдя, к квартире Адама еще раз прислушался. Если миссис Доггерти (соседка напротив) наблюдает за ним в глазок своей квартиры, то явно сможет заподозрить его в чем-то нехорошем. Уж слишком часто за сегодня он прислушивается к квартире соседа.

Ничего не услышав, он несколько раз постучал в дверь и та, к его удивлению, отворилась.

– Не к добру это, – прошептал он сам себе под нос.

Обычно в фильмах и книгах приоткрытые двери в квартиры, как правило, скрывают за собой трупы, а Антону меньше всего сейчас хотелось найти здесь это. Он зашел внутрь. Соседская квартира была точной копией его за исключением мебели. Да и в целом она выглядела обжитой, подогнанной под конкретного человека. Антон прошел дальше и нашел то, что так

¹ Ссылка на события книги «Осень в Сиаме»

не хотел найти: на диване с откинутой головой, открытыми глазами и ртом сидел Адам. И он был мертв.

Глава 3

Антон сидел на бежевом кожаном кресле, держа на руках обмякшее тельце Спота, периодически поглаживая его золотого окраса спину. Пес сидел смирно, лишь иногда поглядывая на снующих туда-сюда работников полиции, которые открывая дверь в квартиру, запускали из коридора озабоченные возгласы жильцов. Антон сидел тихо, погрузившись в свои размышления, буравя диван на котором он обнаружил труп соседа, и не сразу заметил подошедшую к нему девушку.

– Мистер Питч, – обратилась она к нему, слегка наклонившись.

Он оторвал взгляд от дивана и попытался сосредоточиться на собеседнице. Она оказалась довольно симпатичной молодой девушкой: выразительные скулы, пухлые губы, миниатюрный нос, карие глаза с каким-то особенным блеском, русые волосы, убранные в хвост, спадавшие на плечо. Он даже пожалел, что на нем была все та же вонючая футболка.

– Тони, – сглотнув, ответил ей мужчина. – Можете звать меня Тони.

– Хорошо, Тони, – мягко улыбнулась девушка. – Детектив Беккер, – она показала ему свой значок. – Я бы хотела задать Вам несколько вопросов.

– Детектив? – удивился Антон и окинул ее взглядом.

Девушка была одета в повседневную одежду: коричневая кожаная куртка, под ней черная атласная рубашка, черные зауженные брюки и коричневые кроссовки. Встретив ее на улице, он никогда бы не подумал, что она может работать в полиции. Хотя, по его собственному убеждению, он плохо разбирался в людях.

– Конечно, конечно, – добавил он. – Только какие могут быть вопросы? Это же не убийство. Человек умер своей смертью.

– И все же, – она присела на край дивана. – Это часть моей работы. Да и с выводами бы спешить не стала, – она снова улыбнулась.

– Разумеется, – Антон отвел глаза, и чтобы она этого не заметила, сделал вид, якобы поправляет собаку.

– Милый пес, – начала разговор детектив.

– Да, – ответил мужчина. – Адам назвал его Спотом, потому что у него смешное пятно на мордочке.

– Тони, как хорошо Вы знали своего соседа?

– Недостаточно хорошо.

– Но Вы знаете, почему он назвал собаку Спотом.

– Мы часто сталкивались по утрам в парке. Он выгуливал собаку, а я там бегал. Поэтому иногда шли домой вместе.

– И о чем Вы обычно разговаривали?

– Да ни о чем таком, – Антон задумался, чтобы припомнить хоть один такой разговор. – В основном о Споте и говорили. Вернее он говорил, а больше слушал.

– Понятно, – детектив достала из кармана блокнот и сделала в нем запись. – О чем-нибудь еще он рассказывал? Чем занимается? Где работает?

– Да, вкратце. Он упоминал, что работает в частном охранном агентстве. Об увлечениях своих никогда не упоминал. Лишь однажды сказал, что служил в Афганистане и Ираке.

– Заметили ли Вы сегодня что-нибудь странное?

– На самом деле, да, заметил. Ну, вернее, я не совсем в этом уверен. Как бы объяснить... – Антон замялся, пытаясь унять свое волнение и собрать мысли в кучку. – У нас плохая звукоизоляция в доме. С утра всегда легко можно понять встал сосед или нет. Пес обычно лает, а Адам ругается.

– И сегодня он этого не было слышно?

– Нет, дело как раз в другом. Я слышал, как Адам встал, как ругался на Спота. Я даже думал, что сегодня получится выйти вместе. Но я его так и не дождался. Правда, я сначала думал, что он просто вышел раньше. Мне показалось, я слышал, как щелкнул замок его двери. Но в парке мне встретить его не удалось... – мужчина хотел добавить что-то еще, но с мысли его сбил вопрос детектива:

– Зачем Вы его ждали?

– Зачем что?

– Вы сказали, что так и не дождались его, – сухо пояснила она.

Этот вопрос смутил Антона. Почему она акцентирует на этих словах внимание? Что за придирка к словам? А придирка ли? Антона пробирала дрожь, возможно, он даже побледнел, и детектив, казалось, заметила это. Она смотрела на него, не моргая, пытаясь увидеть, как скрытая правда отразится на его лице.

– Не могу сказать, что ждал его с какой-то целью, – наконец, найдя нужные слова, ответил мужчина. – Просто ждал. Было скучно идти в парк одному.

– Ясно, – детектив, сделала пометку в блокноте. – Поэтому не дождавшись его, Вы решили проверить дома ли он?

– Не совсем. Просто у меня ко всему прочему кончилась соль. Я пошел к нему, поскольку из всех соседей я знаю... знал лишь его и миссис Доггерти, но она меня не любит, уж не знаю почему.

– Понятно, – Беккер откинулась на спинку дивана. – Извините, – она вновь села ровно. – Как Вы думаете, у убитого были недоброжелатели?

– Не знаю. Может быть. У кого их нет?

– Ну да, – кисло улыбнулась девушка и перевела взгляд на собаку. – С ним все в порядке?

– Вроде как. Хотя сейчас он уже бодрее, чем был. Я нашел его на полу в ванной. Он лежал совсем обмякший и тихо скулил. Ну, вот. Это тоже из разряда странностей.

– Его могло что-то напугать? – спросила детектив.

– Например, смерть хозяина. Собаки тяжело это переживают.

– Вы правы, – девушка встала с дивана. – Спасибо за информацию Тони, – девушка протянула ему свою руку, чтобы попрощаться. Вот моя визитка, вдруг еще что-нибудь вспомните.

– Конечно, я обязательно сообщу, – ответил мужчина, забрав визитку и пожав маленькую мягкую руку девушки-детектива.

– Вот и славно, – Беккер развернулась и направилась к выходу.

– Детектив, – окликнул ее Антон.

– Да?

– А что будет со Спотом?

Она вопросительно посмотрела на него, а потом на собаку, которая все еще была у него на руках.

– Ну, я не ветнадзор. Если хотите, можете ее оставить себе, пока мы не отыщем родственников умершего. Деть то его куда-то нужно.

– Значит, они считают, что его убили? – спросил Костя, когда чуть позже вечером Антон набрал своему старому другу. – Они так и сказали?

– Им и говорить не пришлось. Если человек умирает своей смертью, никого не волнует, хорошо ли его знал сосед. Все и так понятно было из вопросов, которые она мне задавала.

– Та миленькая девушка-детектив?

– Только ты можешь сказать такую казалось бы простую фразу столь пошлым тоном, – пожурил его Антон. – Но она и, правда, была очень милой. Я бы даже не отказался бы с ней встретиться еще раз.

– Встретишься, когда она тебе предъявит обвинение.

– Очень смешно.

– Да, – усмехаясь, произнес Костя. – Что ты теперь планируешь делать. Все твои планы пойдут под откос теперь.

Антон на секунду задумался.

– Да. Но я не намерен отступать.

– Большой глупости в жизни не слышал. Эта затея и раньше не была гениальной, а теперь так совсем. Ты хочешь вломиться в дом большого босса без малейшего прикрытия за спиной?

– Да. Я еще раз посмотрел карту. Их дом окружен лесным массивом. Есть шанс уйти незамеченным.

– А про камеры в доме ты, разумеется, не подумал. Или сигнализацию.

– Подумал.

– И?

– И она отключается при элементарном отключении электричества.

– Глупость!

– Так, а можно обойтись без твоих умных замечаний?

– Можно, но я считаю необходимым напомнить тебе, что ты занимаешься ерундой. Ты не герой шпионского боевика. Завязывай с этим делом и возвращайся уже на Родину.

Антон тяжело вздохнул.

– Неприятно это осознавать, но ты – прав. Я действительно занимаюсь ерундой. Просто, я потратил столько времени на это все... На эти фантомные фантазии. Трудно признаться себе в том, что ты неудачник.

– Поверь, я понимаю тебя, как никто другой. Но рано или поздно придется признаться себе в этом и двигаться дальше уже без этих сковывающих оков. Посмотри на меня.

– Да, ты прекрасный пример для подражания! – рассмеялся Антон.

– Зря смеешься. Я вот женюсь еще скоро, и вообще жизнь наладится.

– Ладно, слушай, Спот, кажется, на улицу хочет. Пойду и сам прогуляюсь. К тому же нужно придумать, кому можно оставить его.

– Да, давай. Пока.

Антон еще какое-то время сидел на стуле перед выключенным планшетом. Он был подавлен, если не сломлен. На душе было слишком паршиво. И хуже всего было то, что причиной был совсем не умерший сосед... или убитый. Его судьба Антона несильно то и волновала. Ему было обидно, что все это случилось с ним слишком не во время. Он посмотрел на Спота. Тот лежал на разобранной кровати, вытянув вперед лапы и положив на них свою голову. Зачем только Антон обманул своего друга? Хотя ответ был понятен. Разговор ушел в то русло, из которого выбраться самостоятельно он потом не смог бы. Поэтому его пришлось прервать.

– Спот, – глухо обратился он к псу. – Пойдем гулять?

Пес наострил свои уши, приподнял голову, и, казалось, даже обрадовался предложению.

– Пойдем, нам стоит проветриться.

Антон натянул поверх шорт спортивные штаны, в которых он бегал в особенно холодное время, накинул свою толстовку, и, спустив Спота с кровати, они вместе поплелись к входной двери.

– Спот, сидеть, – скомандовал Антон, закрывая дверь, и собака неуклюже плюхнулась на пол. – Что же с тобой не так? Ты был таким подвижным раньше? – заметил мужчина.

Он произвольно обернулся и заметил приоткрытую дверь миссис Доггерти, из-за которой на него сурово пялилась сама миссис Доггерти.

Что он знал о старушке? Ровным счетом ничего. Она никогда с ним не заводила разговор, как в прочем и с остальными жильцами этажа. Но ему она хотя бы отвечала на приветствия, пусть и делала это сухо. Возраста он ее не знал, но думал, что, судя по количеству морщин, ей было далеко за восемьдесят. Она была худенькой, невысокой, чернокожей, ничем не примеча-

тельной женщиной. Разве что седые, склоченные волосы, похожие на мочалку, могли стать ее примечательной чертой. И то не факт.

– Добрый вечер, миссис Доггерти, – Антон постарался сказать это как можно более учтиво.

Но старушка лишь продолжала на него пристально смотреть. Не услышав ответа, Антон вздохнул и, развернувшись, собрался уходить.

– Стой! – неожиданно громко обратилась она к нему, отчего Антон даже вздрогнул.

Он обернулся и увидел, как миссис Доггерти, высунув свою руку из-за двери, подзывает его пальцем.

Через минуты две он уже (неожиданно для себя) сидел на диване в гостиной этой неприветливой старухи.

Он знал, что квартиры напротив состояли из нескольких комнат. Но оказавшись внутри, понял, что по площади они едва ли были намного больше. Он сидел ровно, стараясь не осматриваться по сторонам. В комнате было темно: горело лишь несколько светильников на стенах. Напротив серого дивана (впритык) стоял небольшой стеклянный журнальный столик, с другой стороны от него стоял книжный стеллаж, заполненный разными книгами и журналами, рядом с ним у стены располагался темный письменный стол. Стены были украшены фотографиями, с которых улыбалась хозяйка квартиры. Антон присмотрелся. На всех фотографиях она была не одна. Но вместе с тем, каждый новый человек рядом с ней не встречался больше одного раза. Среди ее партнеров по фото было много подростков. Возможно, она работала учительницей?

– Могу предложить бренди, – неожиданно из-за спины раздался хриплый голос миссис Доггерти.

Антон и забыл, что находится в ее квартире.

– Не откажусь, – ответил он.

– Сейчас принесу стакан, – буркнула женщина, словно недовольная от собственной идеи.

– Я смотрю, собаку ты решил оставить пока у себя? – присаживаясь рядом с ним, произнесла старушка.

Сейчас на ней были большие очки с толстыми стеклами, а от самой очень сильно пахло карамелью.

– Да, пока сотрудники полиции не найдут его родственников.

– Если они вообще у него есть, – она подала ему стакан. – Видит Бог, он был тем еще чертовым брехуном, аминь!

– Почему Вы так говорите? У всех есть родственники.

– У меня вот нет, – старушка сделала глоток. – Моя подруга живет под Квебеком. Вот и все мои родственники. Она порой приезжает ко мне, привозит домашний Кальвадос. У них своя ферма. Так что ты пробуй, не сиди, это не какая-нибудь там отравка из Walmart, а вполне приличная.

– Спасибо, – мужчине пришлось сделать глоток, – но меня смущает тот факт, что это все же отравка. С ваших слов.

Старушка не нашла, что ответить на это замечание, и лишь сделала еще один глоток.

– Знаешь, – спустя минуту произнесла миссис Доггерти, – я ведь постоянно слежу за тобой. И сегодня я видела все!

Глава 4

Федора не сразу поняла, что ее пытаются разбудить. Вчера ей не удалось лечь спать сразу по пришествии домой: сначала она решила принять душ при свечах, а потом при этих же свечах по-быстрому навернула кукурузных шариков, залитых купленной в магазине ряженкой. На голодный желудок она всегда засыпала плохо, и не считала нужным так напрягать свой организм в целом и нервы в частности. Хватало и работы. Кроме того, Федя не следила за своим весом, который ее, в общем-то, устраивал. Хоть иногда после тщательных измерений, взвешиваний и долгих рассматриваний себя в зеркало определенная доля грусти накатывала на нее лавиной. Но чаще всего эти мысли быстро оттеснялись на дальний план другими. Мыслями о работе.

Трудно сказать любит ли Федя свою работу. Она и сама не вполне точно могла дать ответ. В банке она работает уже больше трех лет, привязалась к коллегам, и даже к некоторым клиентам, но некоторое чувство неудовлетворения, то и дело начинает давать о себе знать. И чем дольше она работает, тем чаще это случается. Сначала она думала, что все это плоды ее же фантазий. Ведь ее работа не самая плохая! Да, нудная. Да, морально тяжелая. Да, неблагодарная. Ну и что? У кого работа лучше? А зарабатывает она на порядок выше, чем средняя зарплата по городу.

Однако, даже однажды озвучив это самой себе, чувство неудовлетворенности собственной жизнью не ушло.

Не ладилось у нее и с мужчинами. Последний раз серьезные отношения у нее были в период институтской жизни, когда она была резвой, молодой (пусть и сейчас она далеко не старая), да в придачу еще и капитаном женской сборной по волейболу. Но те отношения у нее кончились не очень хорошо.

Она встречалась с парнем с факультета юриспруденции, с которым познакомились на сборах институтских команд. Он тоже играл в волейбол, и тогда (по наивной глупости) она посчитала это знаком. После института она и ее парень стали жить вместе. Они поселились в квартире ее родителей, которые к тому времени вышли на пенсию и уехали жить за город. Сначала для нее все казалось просто идеальным, но стоило ей устроиться на работу в банк, как семейная идиллия тут же разбилась об скалы обыденности. Она и раньше не была уверена в нем, казалось, что от него нет той отдачи, которая была бы равна ее заботе о нем. А со временем, и вообще поняла, что рядом спящий мужчина лишь сосед, которого она плохо знает. Начались ссоры и претензии, в основном с его стороны. То она плохо готовит, то стирает, то не уделяет ему достаточно внимания, то она вдруг растолстела и превратилась в жирную хрюшку. Она бы даже не удивилась, если бы узнала, что он ей изменяет. Решив не втягиваться в эту порочную пучину, она приняла волевое решение расстаться с ним полюбовно и навсегда вычеркнуть его из своей жизни. С тех пор прошло около 5 лет, а она так никого себе не нашла и продолжает жить одна. Ну, не совсем одна.

Чуть менее года тому назад она решила сдавать одну из своих комнат. Большую часть времени она все равно проводила на работе, а лишний доход в эру финансового кризиса лишним не будет. Новую соседку она нашла себе очень быстро. Ей оказалась Сюин Гэ – аспирантка в одном из университетов города. Это была миниатюрная китайка с темными короткими волосами, красивыми скулами и большими искренними глазами. К тому моменту она уже долгое время жила в России и владела языком на вполне достойном уровне. Говорила она с легким, приятным акцентом, тщательно выговаривая каждое слово. Это иногда забавляло Федю. Сюин ей очень нравилась: она была приятной собеседницей и очень заботливой для постороннего человека. Федора не могла бы сказать, что они стали подругами, но они были куда ближе, чем просто соседи по квартире.

– Федя! Федора, – нежный голос соседки настойчиво пытался выдернуть ее из объятий сна. – Проснись. Ты просила, тебя разбудить. Федя, вставай!

– Сю, – сквозь сон промямила девушка. – Я уже встаю. Сейчас...еще минуточку...

– Ну, как знаешь, – Сюин прошла к окну и, раздвинув шторы, предоставила комнату, проникающему с улицы, свету. – Я оладий напекла. Можешь позавтракать, как будет настроение.

– Спасибо, – Федя накинула на голову одеяло. – Чтобы я без тебя делала.

– Вот уж не знаю, – смеясь, китаянка вышла из комнаты.

– И как Вера Петровна могла назвать ее «туземка», – прошептала сама себе девушка, и откинула одеяло.

Осень полностью вступила в свои права и всюду правила балом. Серое небо, голые деревья, слякоть и грязь – вот тот «чудесный» вид, что открывался из ее окна. Комната девушки не была светлой, а без солнца так и вообще казалась темной. Это слегка угнетало Федору. Зачем она только красила стены в цвет горячего шоколада? Раньше так ей казалось уютнее. А теперь тоска и мрак.

Она набросила на плечи халат и поплелась принять бодрящий душ. Проходя мимо кухни, она застала Сюин внимательно следящей за выступлением какого-то профессора-генетика по телевизору. Он с гордостью заявлял о прорыве в изучении процессов старения человека. Эта тема не сильно занимала Федю, она вообще еще со школы не очень любила биологию, поэтому сейчас такие лекции нагоняли на нее сон. Чего нельзя было сказать о соседке, которая слушала их с открытым ртом.

Закончив с утренними процедурами, девушка, замотав полотенце вокруг мокрой головы, пришла на кухню. Сю до сих пор смотрела выступление.

– Он до сих пор говорит? – сказала Федора скорее сама себе, чем соседке.

– Да, – отмахнулась от нее китаянка, даже не смотря в ее сторону. – К сожалению, он скоро закончит. Оладьи в тарелке на разделочном столе. Посмотри. Есть сгущенное молоко в холодильнике. А еще я сварила кофе.

– Спасибо, – через зевоту поблагодарила ее девушка. – Что-то я не выспалась. Всю ночь меня мучили какие-то кошмары. А сейчас вообще голова разболелась.

Сюин оторвалась от выступления.

– Сильно болит? – с жалостью в голосе она спросила у Феде.

– Просто разрывается на части, – ответила Федя, натирая вески. – Это ж надо. С утра все ж нормально было. Что за фигня со мной происходит последнее время?

– Сейчас, подожди!

Китаянка встала со своего места и ушла в свою комнату, из которой вернулась через несколько минут. Украдкой она бросила взгляд на телевизор. К тому моменту передача с профессором уже закончилась.

– Никак не могла найти, – сказала она Феде, протягивая ей пластинку каких-то таблеток. – Держи, средство очень хорошее.

– Да не надо, у меня где-то было обезболивающее.

– Бери. В тех, что продаются в аптеках не понятно, что намешано. А эти мы синтезируем у себя на кафедре. Заказ для одной фармацевтической компании, – тут же пояснила она, заметив недоверчивый взгляд соседки. – Поэтому пока и без названия. Да бери же, не бойся. Я сама их принимаю.

– Спасибо, – девушка извлекла одну таблетку светло-желтого цвета и, не запивая ее водой, тут же проглотила. – А чего у нас фармацевтические компании уже не в состоянии сами придумать лекарства.

– Это не большая компания, которой дешевле нанять лабораторию со стороны, чем держать собственный штат специалистов.

– А зачем вообще что-то придумывать новое? Я думала, сейчас все обезболивающие состоят из одних и тех же веществ.

– Не все, – снисходительно ответила китаянка. – Но есть группы лекарств, которые основаны на каком-то одном действующем веществе. Сейчас очень много дженериков.

– Подделок что ли? – настороженно буркнула Федя.

– Нет, – улыбнувшись, ответила Сю. – Когда компания создает новый препарат, она его патентует. При этом хочет, может продавать лицензии, а может держать монополию. Но у патента есть срок. И когда он заканчивается, остальные компании могут с чистой совестью выпускать этот препарат, но с другим названием. Они и называются дженерики. Поняла?

– Да.

– Голова прошла?

– Да...

– Ну, вот и славно. Какие у тебя на сегодня планы?

– На самом деле ничего особенного.

– Ты думала над моим предложением?

– Поехать в отпуск с тобой в Китай?

– Да.

– Хм, думала. Если честно, я бы очень-очень хотела поехать с тобой. Правда. Отдых это именно то, что мне сейчас нужно. Но... Я не знаю...

– Хайнань прекрасный остров с чистыми бухтами, белым песком и красивейшими парками. Что тебя в этом смущает?

– Например, то, что мои отпускные не такие большие, чтобы я могла позволить себе путевку в Китай.

– На самом деле все это не так уж и дорого.

– И все же я не знаю... Мне неудобно от того, что ты так стараешься. Ты первый настолько хороший человек в моей жизни, что аж жутко. Я боюсь, что однажды проснусь и пойму, что это был сон.

– Глупости все это. Я не настолько хорошая, как ты думаешь. Просто ты помогла мне, когда у меня был сложный период в жизни, пустила к себе пожить.

– Ты мне за это платишь вообще-то.

– Не порти момент, – и опять она сказала это с легким снисхождением. – Я привыкла ценить помощь. И отвечать на нее тем же. И сейчас я чувствую необходимость помочь тебе... С отдыхом.

– У меня отпуск уже через несколько дней. Вряд ли что-то можно купить сейчас.

Сюин хитро улыбнулась и, привстав на цыпочки, стащила что-то с холодильника.

– Вообще-то, я уже сделала это!

– Что это?

– Я уже купила тебе путевку! – радостно произнесла китаянка, протягивая девушке ее. Ну, почти. Тебе лишь нужно прийти со своим паспортом и подписать договор. Но в остальном она твоя!

– Но... Как?

Федя была удивлена, если не шокирована. И не сказать, что удивление было наполнено радостью. Скорее наоборот.

– Ты не рада, – раздосадовано заявила Сю. – Это было глупо с моей стороны. И странно, соглашусь, – она села на свой табурет и опустила голову.

– Я просто не ожидала этого... А почему она одна?

– Китай предоставляет групповые визы для туристических поездок. Так тебе будет проще. А я гражданка Китая. Мне виза не нужна, мне проще купить билет на самолет и забронировать номер в том же отеле.

Сюин замолчала, и кухня наполнилась тишиной. Тишиной давящей своей тяжестью. Феде казалось, что она опускается на самое дно мирового океана, и вся толща этих вод давит на нее. Ей нужно что-то решить и сказать, иначе она погибнет. Сюин, видимо, все спланировала. И уже купила себе билет. Может ли она отказать от путевки в столь короткие сроки?

– А теперь буду тебе должна...

– Можно учесть это в счет оплаты комнаты...

– Эх, Сюин! Ладно, я согласна. Поехали в Китай!

Глава 5

Антон сделал еще один глоток. Пауза затянулась, а миссис Доггерти, словно и не собиралась продолжать.

– Что Вы видели? – спросил мужчина, но получилось как-то уж слишком нервно, больше, чем ему хотелось бы.

То ли в квартире было слишком душно, то ли его бросило в жар. Мужчине казалось, что его высокий лоб покрылся испариной и вот-вот по нему потекут ручьи пота, как свидетельство его вины. Но в чем его вина? Что она могла видеть? Как он несколько раз прислушивался к двери соседа? Это еще не основания для обвинения. О чем это вообще может сказать? Он просто мог волноваться за соседа.

– Что Вы видели, миссис Доггерти? – повторил он вопрос.

– Не волнуйся, – наконец, ответила та, похлопывая его по коленке. – И не переживай. Я никому не скажу о ваших отношениях.

– Я не... Что простите?

Жар отступил, оставив его в замешательстве.

– Я прекрасно понимаю, как в наше время некоторые люди относятся к геям. Посмотри на меня! Я чернокожая! В свое время нас и за людей-то не считали, – старушка задорно хихикнула и отмахнулась рукой. – Но, чего уж, все-таки в современном мире к этому относятся проще. Вон и браки вам разрешают заключать.

– Я не совсем понимаю Вас.

– Конечно, конечно. Я понимаю. Тебе бы хотелось оставить это в секрете. Я понимаю. Но должна признаться, что он тебе не подходил. Он был мерзким человеком. Мало того, что он был расистом, да еще и латентным гомосексуалом, как оказалось. Он однажды назвал меня мерзкой черной старой мочалкой. А вот ты всегда казался таким приветливым. Но из-за него я старалась держаться подальше. Чтобы ни в коем случае не бросить на тебя тень в его глазах.

– Подождите, миссис Доггерти. Вы что-то путаете! О ком идет речь?

– Да как о ком же? Об Адаме! О твоём парне! И о тебе, – она ласково улыбнулась.

Антон сдержал нервный смешок. Кажется, до него стала немного доходить логика старой миссис Доггерти. По каким-то причинам она приняла их за пару. И теперь даже понятна ее холодность по отношению к нему! Это его немного развеселило (он попытался сдержать улыбку), и Антон решил ей подыграть.

– И как Вы только догадались?

– Ох, милый, я уже прожила свою жизнь, многое видела и теперь замечаю разные мелочи. Заметила однажды, как вы гуляли вместе и так смотрели друг на друга, – она сделала глубокий вздох. – Ну, я и стала в глазок подсматривать всякий раз, как слышала, что твоя дверь открывается. Но вы, надо сказать честно, молодцы. Так скрывали это! Но опять же не понимаю почему? Сейчас другие времена... Думаю, это он заставлял! Верно же, боялся, что о нем узнают правду!

Антон задумался, и не сразу понял, что женщина закончила свою речь и теперь вопросительно смотрит прямо на него.

– А... да, – согласился он с ней.

Она так поверила в собственную выдумку, что разубедить ее он не осмелился. Кроме того, он подумал, что это даже может сыграть ему на пользу.

– О чем и речь, – довольно ответила та. – Но это ваше дело. Ну, было, по крайней мере. И я бы даже не завела этот разговор.

– Почему же тогда завели?

– Было одно странное обстоятельство. Я уже говорила, что мне он не нравился. Мерзкий, заносчивый расист. Я даже была рада узнать, что его больше нет в живых. Вот так! Не буду этого скрывать. Но как только я увидела тебя, такого опечаленного, потерянного, такого несчастного с этим милым псом на руках, я поняла, что ошибалась. Поняла, что даже таких нехороших людей может кто-то любить. Я бы все равно не сказала полиции, что между вами связь, что ты весь день подслушивал под его дверь. Что он тебе изменял, и в это злосчастное утро у него в гостях был незнакомец. Ты ведь знал это? Догадывался, но не мог ничего поделать? Поэтому и пытался услышать хоть что-нибудь, да?

– Угу, – моментально ответил мужчина.

– Я так и подумала! Знала, что тебе будет это важно. Я, пожалуй, выпью еще. Тебе подлить?

– Да, если можно.

– Конечно, конечно, дорогой. Я сама волнуюсь, словно вулкан перед извержением. Нелегко мне дается этот разговор, – причитала миссис Доггерти, скрываясь в кухонном проеме.

Антон остался сидеть на диване. Спот лег около его ног. В глубине души он посмеивался над бедной старушкой, живущей в своих собственных фантазиях, порожденных домыслами. Возможно, этому виной одиночество. Она сказала, что у нее никого нет. Стоило сказать, что ему жаль.

– Так Вы это видели? Незнакомца? – спросил он, отпивая, когда женщина вернулась.

– Да. Я встала рано сегодня. Замучила меня мигрень. Пошла умываться, и слышу шаги по коридору. У меня ведь хороший слух. Решила посмотреть кто это. Подошла к глазку, но не узнала его. Я даже не могу сказать был ли это мужчина или женщина. На нем была черная куртка, кожаная думаю, черные спортивные штаны и такая же спортивная кофта с капюшоном. Поэтому я склоняюсь к мужчине. Фигура была достаточно крупной. Ох, прости меня! – она закрыла рукой рот, словно укоряя себя за сказанное.

– Ничего, я справляюсь. Прошу продолжайте.

– Так вот, я не узнала его. Но человек смог сам открыть дверь. Думаю, у него был ключ. Потом вышел ты. Подошел к двери. Ты что-то услышал за дверью? – она снова вопрошающе посмотрела на него.

– Эм, да. Мне показалось, что да.

– Ох, милый, – казалось, миссис Доггерти готова расплакаться. – Незнакомец вышел минут через десять после того, как ты ушел бегать. Вообще мерзкий типец. От него веяло злом, если понимаешь о чем я. Мне стало так неприятно, что я пошла прилечь. Но не смогла и пяти минут полежать. Мне показалось странным, что я не слышала лая собаки. А значит Адам, так и не повел пса на прогулку. Я опять направилась к двери. А там и ты пришел. Ну, а дальше ты знаешь, что было. Мне не зачем тебе рассказывать.

– Миссис Доггерти, Вы понимаете, что видели возможного убийцу?

– Да! Поэтому и рассказываю тебе. Так бы дела мне не было до него. Но лишь ради тебя я готова заявить в полицию.

– А Вы не смогли разглядеть его лица? Ничего странного, чтобы бросилось в глаза?

– К сожалению, нет. Запомнила только одежду. Хотя... Вышел он с какой-то папкой. Входил он точно без нее. Что он мог украсть у Адама? Какие-то ценные документы?

– Без понятия, – Антон задумался.

– Чувствую себя Анджелой Лэнсбери в том сериале, где она играла писательницу – любителя детективов. Но мне совершенно не хочется в это влезать. Поэтому и спрашиваю у тебя. Одно твоё слово, и я все это расскажу полиции.

– Я считаю, что Вы должны рассказать о незнакомце полиции. Все же мы не знаем, является ли он убийцей. Но он явно последний из тех, кто видел Адама.

– Не могу, не согласится. И ради тебя я сделаю это.

– Спасибо, – мужчина посчитал, что должен проявить признательность.

Антон посмотрел на Спота, который жался к его ногам. Он совсем забыл о том, что соби-
рался вести его на прогулку.

– Простите миссис Доггерти, я должен идти. Спот хочет погулять.

– Конечно, – женщина поднялась с дивана. – Ступай. И если захочешь поговорить –
приходи. Я раньше работала школьным психологом, поэтому всегда готова выслушать того,
кому необходимо выговориться.

– Угу, – Антон натужно улыбнулся.

Вряд ли он придет к ней выговариваться. Ему бы не хотелось продолжать эту профана-
цию. Но он продолжит быть с ней приветливым. В конце концов, она оказалась очень милой
старушкой.

Попрощавшись с миссис Доггерти, он надел на пса поводок и отправился с ним в парк.
Солнце садилось за горизонт и на улице настали сумерки. Погода к вечеру испортилась, под-
нялся сильный холодный ветер, продувающий насквозь. Он решил ускориться, чтобы хоть как-
то согреться. Постепенно он перешел на бег. Спот бежал рядом с ним. Только сейчас он, каза-
лось, пришел в себя и снова выглядел прежним подвижным озорником.

Они забежали в парк. Фонари уже горели, отчего в парке создавалась очень уютная обста-
новка. Однако мысли, что тревожили Антона не были предрасположены к созданию уюта.
Он продолжал прокручивать рассказанную историю миссис Доггерти. Его заинтересовал таин-
ственный незнакомец, унесший из квартиры что-то ценное. Что это может быть? Что, если
полиция знала о пропаже чего-то? Отсюда и предположение об убийстве? Но что мог хранить
у себя сотрудник частного охранного агентства? В чем его ценность?

– Если только... Спот! – он подозвал к себе собаку. – Дружок, нам пора домой. Кажется,
меня ожидает увлекательный вечер.

Глава 6

Его знобило. Но что это было: волнение от задуманного или пронзающий ветер? Трудно сказать наверняка. Мужчина достал телефон из кармана своей джинсовой куртки и проверил время. Уже достаточно поздно. Торонто медленно готовился к ночи. Антон накинул капюшон своей спортивной кофты и вышел на Рен Драйв.

Вернувшись после вечерней прогулки со Спотом, он загрузил карту на своем планшете и выбрал оптимальный маршрут до дома Шерманов. Гуляя в парке, ему пришла в голову одна идея, которую ему захотелось проверить. Он долго задавался вопросом, что такого ценного хранил у себя Адам? И, возможно, Антон нашел для себя ответ. И нашел он его в том, чем занимался Адам. В его работе.

Что если незнакомцу нужны были пропуск и схема охранной системы района Бридл Пат? Журналист и сам бы так поступил (за исключением убийства). Идея выкрасть пропуск Адама у него была следующей в очереди, в случае, если бы сосед отказался сотрудничать с ним. И если это так, то вор вряд ли станет откладывать свой замысел в долгий ящик. Поэтому Антон решил смотаться к дому Шерманов и проверить это.

Однако Спот не очень-то разделял эту затею. Он явно не хотел оставаться один, поэтому все время, что мужчина собирался лишь жалобно смотрел на него.

– Не переживай, я скоро вернусь, – сказал ему Антон. – И прихватчу тебе что-нибудь вкусенькое.

Пес, казалось, с большим любопытством посмотрел на него. Конечно, Антон же разговаривает с ним по-русски. С чего вдруг собаке понимать его? Он вышел и закрыл за собой дверь.

Теперь, когда он шел по освещенной фонарями улице, он подумал, а не стоило ли оставить Спота миссис Доггерти? Она вроде милая, и одинокая. Женщина была бы рада собаке. Или не была бы.

В какой-то момент он поймал себя на мысли, что, возможно, ему не удастся вернуться назад. Какого черта!? Это бред! Нет никаких оснований для этих волнений. Он решил лишь покрутиться около дома Шерманов. Да, и какова вероятность, что он прав? Шансы ничтожны. Из квартиры Адама могло пропасть все что угодно. С сожалением Антону пришлось признать, что Костя был прав: он играет в детские игры, построенные на домыслах и фантазиях. Но что-то внутри него никак не могло согласиться с этим. Что-то не давало ему покоя, именно поэтому он сейчас тащится по промозглым улицам вместо того, чтобы нежится дома за просмотром сериала.

Его путь лежал мимо Amica At Bayview Gardens. Местного аналога дома престарелых класса «люкс». По сути это был фешенебельный отель для пенсионеров, желающих оставить в покое свою родню и пожить хоть какое-то время для себя. И у них были для этого все возможности: бассейн, тренажерный зал, кинотеатр – все было доступно для пожилых постояльцев этого комплекса из нескольких зданий. Разумеется, стоило это недешево, поэтому и поселиться здесь мог не каждый желающий. Единственным минусом, о котором владельцы этого прекрасного во всех смыслах заведения не упоминали, был Шеппард Мэнор с его мигрантами.

Антон остановился. Он частенько сравнивал жизнь здесь, в Канаде, с жизнью в его родной стране. Возможности, которые открыты для человека здесь и там. Разница была очевидна и велика, как американский Гранд каньон. Может быть, когда-нибудь случится чудо и все изменится? Мужчина заметил на балконе третьего этажа пожилую пару. Они стояли, обнявшись и укутавшись в плед. Антон не остался незамеченным, о чем его тут же оповестили. Семейная пара, улыбнувшись, помахала ему. Этот добрый жест невозможно было проигнорировать и не

ответить тем же. А ведь он их даже не знал. Это позабавило его и помогло расслабиться. Он помахал им в ответ и двинулся дальше.

Если верить сервису Google Карты, ему нужно было сесть на автобус за номером 11, следующему по маршруту South – 11 Bayview Towards Davisville Station Via Sunnybrook и проехать 11 остановок, выйдя на Bayview Ave at the Bridle Path, а затем преодолеть около километра по пересеченной местности. Вроде не так уж и сложно. Осталось лишь найти нужную остановку.

За этими мыслями он преодолел участок улицы Шеппард-авеню Восток, и остановился на перекрестке, в ожидании зеленого света светофора, чтобы перейти на Бейвью-авеню, где и будет дожидаться автобуса. Даже, несмотря на позднее время, обычно улицы Торонто никогда не остаются пустыми. Однако сегодняшняя погода не располагала к гуляниям. Ветер был невыносимым, поэтому, наверняка, многие решили спрятаться по домам.

За последние несколько лет Антон прибавил в весе, и сейчас ему это казалось благом. Он с содроганием вспоминал свою молодость, когда его худенького парнишку сносило с места всякий раз, как поднимался ветер.

Неожиданно порыв ветра сорвал его капюшон, и ударил пылью в глаза. Он вынуждено развернулся и заметил резко свернувший силуэт человека в черном одеянии.

Что это? Слежка? Его снова охватила дрожь. Нет, это просто совпадение, не стоит надумывать.

В этот самый момент светофор сменил цвет и запищал, оповещая желающих перейти дорогу. Антон развернулся и побежал. К остановке подъехал нужный ему автобус. Он обязан успеть.

Поскольку автобус был почти пустой, журналист занял любимое место у окна возле дверей. Он обернулся проверить, не шел ли за ним кто. На улице никого не оказалось. Никого, кто бы мог за ним следить.

Дорога в пути заняла у него чуть больше десяти минут. Все это время он смотрел, как за окном пролетают фасады жилых зданий и магазинов, и думал о своей, в общем-то, не очень удавшейся жизни. Где он допустил ошибку? Что пошло не так? Можно ли это исправить? Однако объявили его остановку, и он, так и не найдя ответ, вновь погрузился в промозглую реальность.

Пост частной охраны Бридл Пат находился в самом начале улицы Кантри-лэйн в месте ее пересечения с Бейвью-авеню и состоял из двух патрулей, курсировавших по улицам района, и начальника смены, который постоянно находился в служебном домике и должен был следить за видео с камер наблюдения. Работенка была совсем не пыльная. Уровень преступности в элитных районах Торонто стремился к нулю. И вся эта охрана была здесь лишь для показухи и престижа. Антон помнил, как Адам часто жаловался на невообразимую скуку, одолевавшую его на посту. Самое чудовищное преступление, которое произошло там, было совершенно бомжом, которому пришлось справить нужду у фонарного столба. Район не был никак огорожен и любой желающий мог спокойно пройти по местным улицам. И только в случаях, если он вызовет подозрения у охраны, его могли проводить за пределы района.

Но Антон решил не мелькать на камерах и пробраться на Тимберглейд Корт со стороны парка Уиндфилдс.

Особняк Шерманов представлял из себя огромный двухэтажный дом, построенный по личному проекту Нэнси Шерман, супруги Вильяма, в стиле хай-тек и располагался в самом конце Тимберглейд Корт. Со стороны улицы дом был огорожен глухим забором с массивными воротами, зато сзади участок упирался в лесополосу парка Уиндфилдс, от которого его отделяла живая изгородь. На заднем дворе был обустроен средних размеров бассейн и теннисный корт. Северная часть дома (что выходила на задний двор, и была спрятана от посторонних глаз)

была полностью стеклянной. Дом находился на холме и возвышался над остальными постройками вокруг.

– Лишь постою в сторонке, посмотрю что и как, – убеждал сам себя Антон, пробегая по вытопанной дорожке, ведущей меж можжевельниковых кустов.

Где-то вдали залаяли собаки, но в остальном Бридл Пат был полностью погружен в тишину осеннего вечера. Очень быстро он оказался у нужного дома. Стеклянная часть которого предстала во всей своей красе, превратившись в темноте в сияющий ярким светом прозрачный куб. Все остальные части дома, словно исчезли из этой реальности. На всякий случай Антон спрятался за деревом.

«Ну, свет горит, – подумалось ему. – Значит все должно быть хорошо?»

Однако все было не так хорошо, как он это хотел себе представить. В тот самый момент, когда он прятался за деревом, чета Шерманов билась в конвульсиях на белом кафеле кухни, получив смертельную дозу яда.

Глава 7

Тела Вильяма и Нэнси Шерман были обнаружены утром на следующий день.

Их нашел агент по недвижимости, Ричард Мордсон, которого супружеская пара наняла месяцем ранее для того, чтобы продать дом. Не сумев дозвониться до них, он забеспокоился и решил навестить нанимателей лично. Двери в дом были открыты. Он прошел внутрь, позвал хозяев, но никто не отозвался. Мордсон осмотрел дом, а затем внутренний двор. Его смутила открытая дверь, ведущая в подвал близ крытого бассейна. Осторожно ступая, он спустился вниз. Где-то на середине лестницы, он оступился, но, схватившись за туго набитый мешок, висевший у самых перил, смог устоять на ногах. Спустившись, он щелкнул выключателем, и неожиданно для себя вскрикнул от испытанного шока. Мешком, за который он так ловко уцепился минуту назад, оказался Вильям Шерман. А рядом с ним висела Нэнси. Приехавшие медики констатировали смерть на месте, а полицейские позже расценят обстоятельства произошедшего как «подозрительные».

Время тянулось, словно вязкая патока. На холоде руки Антона задеревенели, и теперь казались чужими. Будто он их одолжил, взял погонять на время. Такой некий хэндшеринг.

В какой-то момент, он поймал себя на мысли, что занимается полнейшей ерундой. Опять.

Ему ведь скучно сидеть в этих кустах, в которые он перебрался из своего прежнего укрытия (дерева), и наблюдать за домом, в котором ничего не происходит. Он просидел уже около часа (или больше... или меньше) и так и не увидел хозяев или кого-либо еще. Свет продолжал гореть в стеклянной части дома и не погас ни на секунду. *Но почему никто так и не мелькнул?* Может, и дома никого нет? Просто забыли выключить свет? А он, как дурак, сидит и ждет «второго пришествия».

На улице стало слишком холодно, чтобы он мог позволить себе такое сумасбродство, как слежка за чужим пустым домом. Антон усмехнулся. Ему пора возвращаться. И не только домой. А вообще. В свою жизнь. Браться за ум и как-то постараться повзрослеть. Он приподнялся на ноги и огляделся (ему бы не хотелось быть замеченным.) Никого вокруг видно не было. Сияющая светом северная часть дома была все так же пуста.

Он встал на ноги, которые слишком долго были в согнутом положении. Иначе как еще можно было объяснить тот ужасный треск, который они издали. Антон развернулся, чтобы уйти, но в тот же миг свет в доме Шерманов погас.

– Как такое возможно? – спросил он сам себя. – Глупый вопрос. Просто в доме кто-то есть... Но кто?

Его нога, уже готовая вступить на тропу, ведущую к дому, предательски дрогнула.

– Нужно пойти посмотреть... Я только одним глазком... – оправдывался Антон перед собой.

Он обошел кусты. Трусцой на полусогнутых ногах добежал до живой ограды, максимально аккуратно перелез под ней (оставив при этом после себя заметную дыру) и медленно, осматриваясь по сторонам, подошел к стеклянной стене, отделяющей просторную столовую, плавно переходящую в гостиную, от внутреннего двора.

Погода в этот день сделала свое грязное дело. Если кто-то готовился к преступлению, сделать это сегодня было проще простого. Небо было затянуто тяжелыми тучами, а сильный ветер повалил деревья прямо на линии электропередач, как позже узнает Антон. Но даже с учетом царившей на улице тьме, внутренние помещения дома казались еще чернее и непрогляднее.

Мужчина подошел вплотную к стеклянной стене и, всматриваясь, пытался разобрать хоть какое-то малейшее движение внутри. Он даже представлял себе, как откроется окно, и кто-то

из хозяев дома яростно закричит, что это частная территория. Но этого не происходило. Как и какого-либо движения или шума внутри дома. Хотя разобрать что-либо было бы в любом случае проблематично. Ветер, обходя крытый бассейн, с особой силой бился о стены дома, создавая при этом громкий гул.

Обрыв линий электропередач всегда создает большие проблемы и неудобства для людей. Кому-то это мешает досмотреть решающий матч в НХЛ, кому-то это обрывает просмотр порнушки на самом пикантном месте, кто-то вынужден отменить такой долгожданный видеозвонок, а кто-то лишается возможности быстро скопировать важные документы. Именно для устранения таких казусов, все элитные районы Торонто давно обзавелись запасными подстанциями, мощности которых вполне хватает на завершение всех важных и, самое главное, прерванных дел. И в тот самый момент, как Антон, пытается разглядеть хоть что-то, в доме вновь загорается свет.

Первые несколько секунд самые мучительные. Глаза, отвыкшие от яркого света, спешат вновь погрузиться в приятную, мягкую, плюшевую тьму, поэтому непроизвольно закрываются в надежде, что свет рано или поздно пропадет. Однако он не пропадает, и тогда в игру включается мозг.

Антон открыл глаза и замер. Перед ним стоял человек. Фундамент дома находился выше уровня земли, поэтому первое, что заметил Антон, были ноги. На них были черные спортивные штаны. Взгляд Антона побежал вверх: на руках перчатки, черная спортивная куртка, на голове капюшон, а лицо... *Что за жуткая гримаса?!* Нет, это маска. Белая маска, олицетворяющая застывший ужас. Свет вновь погас.

Надо что-то делать! Но что?

Ужас охватил Антона. Ему нужно сдвинуться с места. Сделать шаг назад и убежать. Но ноги, предатели, словно вросли в землю.

Свет вновь загорелся. Столовая была пуста. Мгновение и свет снова погас. Что с отражением? За ним кто-то есть! Он оборачивается и видит еще одного человека. Черная фигура уверенно идет по направлению к нему со стороны бассейна.

Ну же, чертовьи ноги!

Антону удастся взять себя в руки. Он крупнее незнакомца, а значит, есть вероятность как минимум сбить его с ног, а дальше удирать тем же маршрутом – через лес. У этого маска черная. А значит их двое. Нужно спешить пока не пришло подкрепление.

Мужчина рывком бросается на человека в черном, подставляя вперед плечо, как это делают в регби. Однако незнакомец не пугается этой решимости. Он выставляет свою руку вперед. Раздается щелчок.

Острая боль пронзает плечо Антона. Это вводит его в замешательство. *В него стреляли?!* Он смотрит на плечо. Ощупывает его. Что-то небольшое и серебристое торчит поверх его джинсовой куртки. Это дротик. Похожие применяются против диких животных зашедших в город, когда их нужно на время обезвредить. Он резким движением выдернул его и отбросил в сторону. Незнакомец стоял неподвижно и не предпринимал никаких действий.

Антон не сразу понял почему. Но потом появилась слабость в ногах. На него будто навалилось что-то тяжелое. Что-то, что удержать не так уж и просто. Голова закружилась. К горлу подступила рвота. «Это похоже на морскую болезнь», – подумал он про себя. Около его уха что-то просвистело. Он обернулся со стороны дома к нему шел второй незнакомец. Видимо, он тоже стрелял в него.

Антон бросился бежать. В его глазах все расплывалось, но он старался найти в себе силы. Ему нельзя останавливаться.

«Человек в черном капюшоне, – думал он, – один из них был убийцей Адама...»

Мысли начали путаться. Он не помнит, как перелез через изгородь, как прошел кусты и дерево, за которыми прятался. Каким-то образом он оказался на дороге посреди улицы Тим-

берглейд Корт, видимо, произвольно свернул не туда. Все вокруг расплывалось, становилось с ног на голову. Его стошнило около фонарного столба. Сил стоять не было. Он терял сознание. Удар об асфальт не показался ему болезненным. Он чувствовал, как по его подбородку течет слюна. Это его рассмешило, он открыл глаза. Темные тучи спиралью вились над его головой, пока что-то размытое не закрыло их. Он напряг зрение. Перед ним был кто-то... в черном капюшоне.

Глава 8

Поскольку это субботнее утро уже не заладилось, Федя решила отложить все свои планы (коих было не очень много) и просто остаться дома. После этой истории с путевкой она чувствовала себя подавлено. Ситуация была ей не приятна, но она старалась не показывать это соседке. Сюин оказала на нее давление, чего Федя никогда не любила. Ей нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать, поэтому она отправилась в единственное подходящее для этого место – в свою кровать. Подняв повыше подушки, скатившись при этом как можно ниже, она укуталась в одеяло и уткнулась носом в его край.

Вообще, отдых ей совершенно не помешает. Тем более отдых в теплых краях. На удаленном острове, где берега усыпаны белым песком, а вода в лагунах яркого бирюзового цвета. Имея хорошее воображение, она живо представила себе эту картину, расплылась в идиотской ухмылке, и, кажется, даже пустила слюну. Мысли о пляжном отдыхе унесли ее слишком далеко. Настолько, что потеряла связь с реальностью, и не заметила, как к ней вошла Сюин.

– Федь, – тихо обратилась она к ней, чем легка даже напугала. – Ой, прости, я не думала, что ты спишь.

– Да, не, не сплю, – ответила та, утирая лицо. – Ты что-то хотела?

– Да, – повесив голову, произнесла китаянка. – Я так себя паршиво чувствую. Я поступила нехорошо, не рассказав тебе о путевке. Я очень перед тобой виновата.

– Да брось! – девушка тут же стала утешать раскаявшуюся соседку.

Забавно, но от вида огорченной китаянки теперь неловко и паршиво чувствовала себя Федора.

– Ты знаешь, я вот тут подумала, и решила, что ты потупила правильно! – решительно заявила девушку, чем обрадовала Сюин. – Я бы сама никогда не решилась. Всегда, когда нужно что-то менять, я в страхе отступаю назад! – она привстала и потянулась за рукой китаянки. – Поэтому спасибо тебе огромное! И не переживай!

– Это будет самым лучшим твоим отдыхом! – радостно заявила Сю, пожимая руку соседки. – Я тебе обещаю!

– Ну, вот и славно, – довольная, Федора откинулась назад. – Чем планируешь заниматься сегодня? У вас на кафедре же тоже выходной?

– Да, – Сюин немного смутилась. – На самом деле у меня есть на сегодня планы, – сказала она и вновь опустила глаза, сильно при этом покраснев.

– Так, так, – Феде стало любопытно. – И что это у нас за планы такие? – она рассмеялась. – Не уж то тебе пригласили на... О боже! Свидание!

– Да!

Смущенно китаянка присела на край кровати. Она выглядела счастливой, и это подняло Феде настроение.

– И кто он? Где Вы познакомились? Как его зовут? Я хочу все знать! У меня своей личной жизни нет, так хоть за тебя порадуюсь!

– Имя я пока называть не буду. Считаю это плохой приметой. Он тоже из Китая, учится в медицинском. Мы познакомились недавно в кафе. Мне кажется он очень хороший.

– Ооо, – умиляясь, протянула Федя. – Я за тебя очень рада. И во сколько вы встречаетесь?

– Уже скоро буду выходить. Сегодня он поведет меня в Русский музей. Как будто я сама там не была! – девушка хихикнула. – Но он так мило мне расписывал все свои планы... Кстати, я нашла странную коробку от которой воняет так, словно в ней много лет жил скунс, а потом он в ней же отдал богу душу. Откуда ты ее достала?

– Ах, точно! Эта коробка. Я о ней совсем забыла. Ты ее открывала?

– Признаюсь, да. Мне стало любопытно. Там какие-то пакетики с порошком. Мне стоит волноваться?

– Ахах, нет! Надеюсь, что нет. Вчера встретила соседку снизу, вот она и поделилась со мной отравой от крыс.

– У нас есть крысы?! – ужаснулась Сюин, закрыв рот руками.

– Нет, – успокоила ее Федя. – Вот именно. Крыс у нас нет. Не знаю, зачем она мне ее отдала. И зачем я ее вообще взяла. Чуть позже спущусь, и отдаем ей коробку обратно.

– Странная она вообще. Со мной никогда не здоровается. Порой мне даже кажется, что она плюется после встречи со мной.

– Не обращай на нее внимания. У нее сложный характер, и она почему-то думает, что все будут с этим считаться.

– Ну да, – Сюин посмотрела в окно и встала с кровати. – Ладно, ты отдыхай. А я пойду собираться.

– Удачи!

Когда Сюин вышла из комнаты, Федора перевернулась на бок и накрылась одеялом с головой. Она действительно была рада за соседку. Однако что-то внутри нее треснуло. Она старалась отгонять мысли об одиночестве, и почти всегда у нее это получалось, плюс работа с клиентами давала ей сполна насладиться общением с людьми. Поэтому те редкие дни, которые она могла провести в тишине и одиночестве она ждала с нетерпением. И все же порой... Она утерла слезы.

В конце концов, лежать с накрытой головой стало невыносимо жарко, да и просто лежать. Она слышала, как хлопнула входная дверь. Сюин ушла и теперь Федя осталась в одиночестве. Ей захотелось чем-нибудь заняться. Возможно, даже она займется уборкой. Но с начала она ходит к Вере Петровне.

Федя встала с кровати натянула спортивные штаны, которые она хоть и покупала для походов в зал, но носила дома (потому что в зал так и не пошла), футболку с Мини Маус, всунула ноги в розовые мохнатые тапочки в форме кролика и пошла в коридор, где и оставила вчера коробку. Она была открыта после того, как туда залезла Сюин.

– Она сказала, что тут лежат порошки в пакетиках? – девушка отодвинула картонный край, чтобы лучше разглядеть содержимое. – Интересно. Зачем Вере Петровке столько яда? Это ж какие полчища крыс можно отравить этим содержимым. Но все пакеты запечатаны. Не похоже, чтобы она сама этим пользовалась... С виду похоже на муку, – она по очереди надавила пальцем на каждый из пакетиков. – Блин, лучше помыть руки после этого. Странно.

Она надавила еще раз. Сначала ей показалось, но теперь она уверена, что внутри пакетика что-то есть. Что-то твердое. Это интриговало. Что может быть внутри пакетика с ядом?

– Может быть, там мерная ложечка, – пошутила девушка вслух и сама же усмехнулась. – В остальных этого нет. Хм.

Она нависла над коробочкой с пакетами и в течение 5 минут, потирая себе лоб, думала, как ей поступить. Наконец, она решила вскрыть пакетик. Но при этом она предусмотрительно надела резиновые перчатки.

Взяв пакетик в руки, она аккуратно потрясла им. Но он был настолько плотно заполнен, что результата это не принесло. Она присмотрелась к нему. Шов на целлофане был немного неровный и, видимо, сделан вручную. Для сравнения она взяла другой пакет, но тот оказался точно таким же. Теория оказалась ложной. А жаль. Федя уже было загорелась этой загадкой. Но в пакетике определенно что-то прощупывалось. Она еще раз взглянула на него.

– Какой ерундой я занимаюсь, – вздохнув, она положила все пакетики в коробку и закрыла ее, решив, что если там что и лежит, то это точно не ее дело.

Через несколько минут она уже спускалась по лестнице, как вдруг заметила какое-то скопление людей на этаже, где жила старушка. Она прошла чуть дальше, мимо фальшколонн,

которые вчера вечером отбрасывали такие зловещие тени, поздоровалась со знакомыми жильцами и уперлась к открытые двери квартиры Веры Петровны. В самой квартире хозяйничали сотрудники скорой помощи и полицейские.

– Тамара Васильевна, – заметила она рыдающую старушку у стены. – Что случилось? Почему здесь полиция? И скорая. Что с Верой Петровной?

– Ой, Феденька, – старушка разрыдалась еще сильнее. – Померла Верочка. Отдала Богу душу. Преставилась пред судом окаянным! Ох, горе то, какое! – и Тамара Васильевна с силой высморкалась в свой платок.

– Как... Как такое могло произойти?

– Во сне скончалась, говорят. А я ж вчера, Федь, в лотерею выиграла! Ночевала у дочери. А сегодня, как пришла, так сразу к ней. Поделиться радостью хотела, а у нее дверь открыта! Да когда такое было! Я так подумала. Вечно ж заперта на 100 замков. Все боится, что добро ее унесут. Было бы только, что нести. Так, хлам один, – отмахнулась старушка. – Так вот захожу я, прошла чуть дальше, споткнулась обо что-то, чуть не упала, но не важно. Прошла дальше, смотрю – сидит она в кресле, руки раскинуты и голова откинута. Я ее позвала, а она не откликается. Я подошла ближе. И поняла все. Мертва была Верка. Как есть, мертва! Ну, вызвала скорую, участковому – Лешке, позвонила. Они приехали и говорят, что сердце остановилось. Но знаешь, странно это, – тише и спокойнее произнесла Тамара Васильевна, – сердце у нее крепкое было. Жестокое, но крепкое. Им орехи колоть можно было. Не чисто тут дело. И дверь была открыта!

Федя, молча, слушала собеседницу, сильнее сжимая коробку, с каждым новым откровением. Между тем она периодически прокручивала в памяти события прошлого вечера. Кажется ли поведение соседки ей теперь странным? Страннее, чем обычно?

– Тамара Васильевна, а у нас в доме есть крысы?

– Ох, деточка, что ты! С 90-х годов не видела их! Ну, разве что есть те, которые на двух ногах. Но таких во все времена хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.